

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Татьяна Тэя
НЕ ПРОДАЮСЬ

Татьяна Тэя

Я не продаюсь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67971728

SelfPub; 2022

Аннотация

Тома знает, что у каждой мечты есть цена. Другое дело, готов ли ты её платить? Тимур в курсе, как это – жить в чужой стране без родных, а ещё – веселиться в толпе, чтобы избавиться от одиночества. Случайная встреча, одна ночь и несерьёзный роман перерастают в отношения, но есть ли надежда на счастливый конец, когда прошлое вскрывает секреты и ставит жизни обоих под угрозу?

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	29
Глава 4	41
Глава 5	59
Глава 6	72
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Татьяна Тэя

Я не продаюсь

Глава 1

Всегда питала слабость к крепким мышцам дельты, подкаченным мужским плечам, за которые так и хочется подержаться. И к ямочкам на пояснице. Ну, сверху которые, симметричные такие. Смотрятся просто секси, на мой взгляд. А ещё люблю, когда волосы у парней чуть-чуть подвиваются. Лёгкая лохматость, небритость, прищуренные серые или синие, ладно, зелёные тоже можно глаза и голос с хрипотцой после сна. М-м-м... Ну, а что? У всех свои слабости. Позвольте мне иметь несколько собственных.

Жаль, красавчик спит, нет возможности оценить цвет его глаз. Но вчера они были зелёные, я же не перепутала? Сонька, моя подруга, конечно, здорово нас алкоголем накачала, но в себя она больше влила, чем в меня. Оно и понятно, ей с девственностью расставаться, а мне... а мне просто весело ночку провести надо было. Я работаю и учусь на износ. Расслабляться некогда. Я же не мажорка какая-то, за которую папаня с маманей заплатят и от любой проблемы отмажут. Всё сама... сама... И этим богатеям вовсе ни к чему знать, что я не из их «касты».

Сонька не в счёт – она моя подруга и про меня знает всё. Вернее, почти всё.

Мой взгляд снова скользит по идеальному рельефу мышц. Тим просто бог. Это раньше я думала, у него лишь тело бога, а вот сегодня узнала, что и в сексе он идеален. Такого у меня ещё не было. Хотя и сравнивать-то, по-честному, особо не с чем. Раз-два и апчхи, как говорится. Но это знать кому бы то ни было тоже не обязательно.

И Тимуру лучше даже не догадываться, что я прекрасно представляла, кто он такой, когда вчера с ним уезжала. Потому что стоило ему подвалить ко мне на танцполе, и я потеряла дар речи от неожиданности и очень хорошо сыграла в «парень, впервые тебя вижу».

А парень – звезда всех местных тусовок. Богатый наследник, свой на любой вечеринке, у него в соцсети подписчиков «овердофига» и половина девочек из колледжа мечтают оказаться в его постели.

Я не мечтала. Но и отказываться не стала, когда возможность представилась.

От мысли, что я осуществила чужие мечты, меня пробивает смех.

Впрочем, надо побыстрее отсюда линять. Эти утренние неловкости мне совсем ни к чему. Тимуру, наверное, тоже. Но он спит. Именно что спит, а не притворяется, ожидая пока я свалю.

Бедняга, вымотала я его. И он меня тоже заездил. Сколь-

ко раз у нас было? Четыре? Это, прямо скажу, слишком. И откуда только силы взялись. Четыре раза – четыре прекрасных оргазма на его идеальном члене и ещё пятый от умелого языка. Что было очень даже неожиданно.

Тимур совсем без комплексов, и мне остаётся только догадываться, когда и при каких обстоятельствах он их все потерял.

Приподнимаю краешек простыни и тихонько выбираюсь из постели. Кажется, даже не разбудила хозяина. Наклоняюсь за одеждой. Эта «тропа позора», как тут её любят называть, тянется от кровати до самой входной двери. Хорошо, что мы начали стягивать друг с друга одежду за порогом, а не перед ним, хотя такой вариант тоже не исключался.

Я просачиваюсь в ванную, чтобы умыться и привести себя в порядок. Действую очень тихо, стараюсь не шуметь. Пользуюсь расчёской хозяина, распутываю свои длинные тёмные волосы. Невольно вспоминаю, как Тим намотал их ночью на кулак, когда поставил меня на коленки и взял сзади. Было дико и первобытно. И чёрт, мне понравилось. До той степени, что даже сейчас я застываю с расчёской в руках и чувствую возбуждение. Между ног наливается жаром.

Бред.

Мотаю головой, сбрасывая оцепенение. Надо доехать до дома, а там повалюсь на кровати, выплюсь, повспоминаю. Глядишь, и Соня подвалит, и ей тоже будет что рассказать. Она с таким красавчиком уехала. Самое то для первого

раза.

Всё-таки хорошо, что мы вчера в «Аут» отправились – клуб, где висит золотая лондонская молодёжь. Оттуда ещё никто в одиночку и неудовлетворённым не уходил.

Через пару минут мне вовсе не до смеха. Я просмотрела всё... всё, прошла от двери до спальни и обратно. На цыпочках. Пробежалась до кухни, заглянула во все углы и даже под диван и кровать, и прочую мебель. А жакета от «Бальмен» не было. Дорогущего, мать его синего классного жакета, который мне ещё предстояло сдать обратно в магазин. Это же полторы тысячи фунтов, капец. Впахивать до усрачки, если не найду. Даже страшно представить, что будет, если он потерялся. Кредит равный семи билетам из Лондона до Москвы и обратно повиснет на мне мёртвым грузом.

Пздц... ни денег, ни грёбанного жакета.

Видимо, я так увлеклась поисками, что расшумелась и разбудила Тимура. По крайней мере, сейчас, уловив «шевеления» в спальне, я мысленно чертыхаюсь и аккуратно крадусь к двери, но застываю, едва услышав хриплый ото сна голос.

– Это что ли, ищешь?

Оборачиваюсь и ничего не могу поделать с собственным взглядом. Он просто ухает вниз. Пропускает и лицо Тима, и рельефную грудь, на которой я даже прикорнула между третьим и четвёртым раундом, и съезжает напрямик к паху.

Вот эта штука что, реально сегодня во мне была? Очень,

знаете ли, внушительно выглядит.

Невольно я сглатываю и... прихожу в себя от мягкого дразнящего смеха, бьющего по ушам.

– Тома?

Вау... кто-то запомнил, как меня зовут? Хотя, чему я удивляюсь? Он ведь стонал моё имя, когда кончал и в первый, и во второй и так далее раз.

Значит, прекрасно осознавал, где он и с кем.

Неожиданно для местного отвязного мажора.

– Это-это, – бормочу я и даже подхожу, чтобы забрать помятый в усмерть жакет из его рук, спал он что ли на нём, но Тимур отводит его в сторону.

– Куда-то торопишься?

Так что приходится взглянуть ему в лицо. В смеющееся, нет, даже забавляющееся лицо. И лучики смешинок в уголках его глаз меня совсем не радуют.

Тим выглядит иначе, чем вчера.

Интересно, это потому что мы переспали, он теперь мне кажется не звездой с неба, а простым земным парнем?

– Да, думаю, мне пора.

Выхватываю жакет из его рук и иду к выходу. И надеюсь, и боюсь, что он пойдёт за мной. А если пойдёт, что делать? А если предложит не уходить, оставаться?

Не будет ли нам ещё более неловко, чем сейчас?

Хотя по Тиму не скажешь, что ему неловко. А вот мне не по себе, потому что я не могу распахнуть входную дверь. И

так дёргаю, и сяк, а она не поддаётся.

– Открой дверь! – даже не прошу, а приказываю я.

– Раскомандовалась, – раздаётся за спиной.

Оглядываюсь и снова вижу его голого. У парня есть смущение в принципе или нет? Вернее, он чувствует себя также свободно, как и в одежде. Нагота его ни капли не беспокоит. Может, это из-за самолюбования? Конечно, имея идеальное натренированное тело можно себе это позволить.

Я дёргаю за ручку, но тщетно, и в сердцах выдаю:

– И что здесь у тебя такое? Пещера горного короля?

– Типа того, – прищуривается он и, оттолкнувшись от стены, идёт в мою сторону.

Тимур начинает тихонько напевать сюиту Грига, – не фига у него, оказывается, познания в классическом репертуаре, – и на финальном «бу-у-у» вжимается в меня бёдрами.

Да, я не монашка и не святая, что уж сказать. Так что, конечно, когда голый сексуальный и вдобавок ко всему возбуждённый парень припечатывает меня к входной двери, я ощущаю, как трусики становятся влажными.

– Тут ещё и сигналка, – он указывает куда-то себе за плечо.

Перевожу взгляд на потолок и замечаю какие-то датчики. По мне так обычная противопожарная система, только парочка подмигивает странно.

– Сигналка?

– Ага, сирена взревела, если бы ты попыталась дверь

вскрыть с любой стороны. Без кода – нереально ни войти, ни выйти.

Я прищуриваюсь и пытаюсь отстраниться, но вместо этого дёргаюсь и бьюсь головой о дверь.

– Чёрт... – мне конкретно больно.

– Тише... ты чего? – Тимур накрывает затылок ладонью и массирует, убирая лёгкое онемение. – Я ж тебя не съем.

А потом, будто опровергая свои же слова, впивается в мой рот. Его губы мягкие, но настойчивые, а язык по-хозяйски проникая в рот.

Знаете, очень сложно не потечь, когда голый парень целует вас так, будто планирует трахнуть в обозримом будущем. Конечно, я тут же теку.

Аха, и оседаю лужицей у его ног в буквальном смысле этого слова.

Пальцы против воли впиваются ему в плечи, ногти вдавливаются в кожу. Пахнет от Тимура просто обалденно, а вкус терпкий, свежий, мужской, и запах тела такой, что голову ведёт. Сто процентное попадание в совместимость – как написали бы в новомодном журнале.

– Ты точно на МИ-6 не работаешь? – пытаюсь прощупать я, когда поцелуй заканчивается.

А вдруг реально агент британской разведки? Хотя, как говорится, у богатых свои причуды. Захотелось ему особую систему безопасности – пошёл и заказал, какие проблемы, только бабки успевай отстёгивать.

– Нет, не работаю. Просто не люблю по утрам в одиночку просыпаться, знаешь? Как-то даже обидно, что девушка пытается сбежать.

Наклоняясь, он захватывает мою нижнюю губу зубами, слегка прикусывает и отстраняется.

Этот хам точно знает, что я возбудилась, и дело даже в предавших меня сосках, натянувших ткань светлого топа, а в зрачках. Уверена, они сейчас размером с блюдца, такие же, как у Тимура, без всякого смущения разглядывающего моё лицо. Наверное, самому интересно, кого он там вчера подцепил. В полумраке нам как-то не до разглядываний было.

Совершенно иррационально я злюсь. А когда злюсь, я ку-саюсь:

– И много девушек от тебя пыталось сбежать?

– Ты первая, – нагло заявляет он.

– То есть обычно ты их сам силой до двери на выход тащишь? А они упираются?

– Именно.

Невольно вырывается нервный смешок.

– Ну у тебя и самомнение!

– Оценила, да?

Он хитро прищуривается, потом берёт меня за руку и тянет вниз, опуская ладонь себе на член.

Этот наглец точно не стесняется показывать, что он хочет.

Приподнятая бровь красноречивее любых слов.

И его рука, лежащая поверх моей, побуждает меня обхва-

тить ствол и провести вверх-вниз пару раз. Он уже охренеть как возбуждён и готов.

– Не стоило даже пытаться сбежать, Тома, – выдыхает он мне в ухо, а следом прикусывает мочку.

Моя рука уже двигается сама, хотя ладонь Тимура всё ещё её контролирует. Если вчера я трогала его, как мне хотелось, то сейчас он показывает, как ему больше нравится.

– Откуда ж мне было знать, что у тебя такая система безопасности?

– Ну тогда запоминай.

– С чего бы это?

– Полезные знания в жизни пригодятся, ты же отличница.

– С чего ты взял?

– Ты ночью так старательно в рот брала, что это заслуживает высшего балла.

Совершенно невольно мой рот потрясённо приоткрывается, и Тим тут же гладит нижнюю губу подушечкой большого пальца.

– Кто-то хочет повторить? – ухмыляется он.

Думаю, что ему остаётся просто опустить мне руку на макушку и как в дешёвой комедии нажать посильнее, чтобы я бухнулась перед ним на колени.

Но чёрта с два со мной такие номера не пройдут.

Наверное, эти мысли проскакивают на моём лице, а Тимур, чтоб его, оказывается, глядит очень внимательно, несмотря на ленивую расслабленность.

– Ну что ты хмуришься, а? – кидает он. – Я не ханжа.

– Это я уже поняла, – бубню себе под нос, а потом решаю прекращать наш словесный пинг-понг, честно говорю то, что у меня на уме. – Мне не нравится, когда меня пытаются к чему-то склонить двусмысленными разговорами.

– Ах, так ты, значит, любишь прямые действия? – он приподнимает брови, хотя прекрасно понимает, что я имею в виду.

А потом внезапно сам опускается на колени возле моих ног, чётким движением скатывает юбку вверх по бёдрам, закидывает мою ногу к себе на плечо и отводит трусики в сторону.

– Тим! – вскрикиваю я, когда его язык обводит клитор.

Глаза невольно закрываются, и я вижу звёздные искры в темноте век.

Как это он так стремительно всё провернул? Мне казалось, он сыплет намёками и пошлостями, пытается прогнуть под себя, но этот парень показывает, что может уступить, даже когда ему самому чего-то очень хочется.

Дорогущий жакет снова летит на пол, потому что я цепляюсь за спутанные волосы Тима и жмүрюсь сильнее, когда он подключает свои пальцы, вводя их глубоко внутрь моего тела. Он трахает меня рукой, а я лишь успеваю стонать, слыша и чувствуя, как горячо он дышит, ощущая каждое чёткое движение языка, ласкающего горошину клитора. Тим точно знает, что он делает, и даже специально оттягивает мой ор-

газм. И так же внезапно отстраняется, когда я уже вот-вот готова взорваться.

Он весь во мне. Мы целуемся, а я, уже сдавшись, держусь за него, цепляюсь, не желая отпустить.

– Это был рекламный тизер, – усмехается он, – а полная версия доступна только на кровати. Так что идём.

Идёт в итоге он один, потому что я уже сижу на нём, обхватив за талию ногами, пока он несёт меня обратно в спальню.

Глава 2

На улице уже конкретно темнеет, когда я вбегаю в «Голову короля», старый паб на окраине города. Почему на окраине? А чтобы не попадаться никому из знакомых на глаза. Незачем лишним людям знать, что Тамара Коваль протирает стаканы и разливает пиво, ещё и полы драит за дополнительную плату в этом прекрасном месте, где всегда ей достаются щедрые чаевые.

Я хватаюсь за любую работу, и только Соня – моя лучшая подруга по колледжу и в жизни – в курсе, что у меня нет богатых родителей, сославших чадом овладеть азами английского и основами бизнеса в Лондон. Я сюда иным путём попала. Для всех остальных сокурсников – у моей матери крупная сеть магазинов в одном из городов необъятной родины. А за подробностями – это не ко мне.

Так что иногда я хостес на мероприятиях, несколько дней – бармен в пабе, в остальное время – пишу студенческие работы на заказ, хоть сама учусь на первом курсе, но могу тест и для третьего накатать. Ещё полгода назад записала видео-уроки по азам британского произношения и двигаю его в сети, оттуда тоже деньги, хоть какие, но капаят. А в чём проблема? Хочешь жить – умей вертеться.

Вот я и верчусь. Вся моя жизнь – это бесконечное фуэте, чтоб его, которое я кручу без усталости.

До начала рабочей смены заскакиваю и сдаю пресловутый жакет в магазин. Очень аккуратно отпариваю перед этим и повязываю бирку с ценой обратно на петлю. Как новенький. И деньги на кредитку вернутся в ближайшие дни. В основном я покупаю себе одежду на распродажах в брендовых бутиках, не могу же я в колледж, в чём попало заявиться, но частенько иду на такой вот «прокат» на день-два. План ещё сбоев ни разу не давал. У Тимура я понервничала впервые.

Тимур...

Взгляд невольно падает на смартфон, спрятанный под стойкой. С Тимом мы активно переписываемся, активно встречаемся и активно трахаемся. Не знаю даже, чего он за меня уцепился? У него репутация бабника и беспробудного тусовщика. Впрочем, так оно и есть. Эти несколько дней после знакомства в «Ауте» он постоянно меня куда-то тянет гулять. Компании абсолютно разные: от более-менее приличных до разнузданных. И я поддаюсь, еду с ним, отпрашиваюсь с работы, даже понимая, что минус две смены в пабе – это нормальная такая дыра в моём скромном бюджете.

Я себе строго-настрого запретила привязываться к Тиму. Но вот почти неделя прошла, а я уже увязла в Логинове по самые ушки или даже круче. Впрочем, не знаю, испытывает ли он хоть что-то ко мне, кроме неутраченного желания. Иногда так странно смотрит, что мне кажется, испытывает, но тут же приходится напомнить себе: знаем мы друг друга без года неделю. И вообще парни, вроде Тимура, сегодня с

одной, завтра с другой, или с обеими сразу. Тогда зачем я ведуь на него? Если сама всё прекрасно знаю?

Телефон пиликает, и я тянусь за ним, уже догадываясь, кто мне пишет. Потому что мне никто так часто не пишет, как Тим. У нас, блин, настоящий роман в письмах. Трындим о всякой ерунде, иногда срываясь не в особо приличные темы.

Только сообщение его я прочитать не успеваю, прерывает звонок с неизвестного номера. По инерции отвечаю.

– Ауч, Тома, привет, – раздаётся тягучий незнакомый голос.

Говорят на русском.

– Это кто? – зажимая трубку между плечом и ухом, спрашиваю я.

Параллельно уточняю заказ у клиента по ту сторону стойки, показывая цифру два на пальцах. Парень кивает, и я начинаю наливать светлое в первый бокал.

– Как? Ты меня не помнишь? Мне намекнуть?

Не знаю, какого фига веду этот тупой разговор! Может, потому что интонации голоса чуть-чуть мне знакомы?

– Можно не намекать, а представиться прямо. Знаешь, нет настроения в угадайку играть.

– Ты, я, мои пальцы у тебя под юбкой. Ты, правда, так возмущалась, я даже почти поверил.

– Егор? – тут же вскипаю, потому что узнавание приходит мгновенно. – Шел бы ты, Егор.

Не стоит спрашивать, откуда у него мой номер. Это неважно, в принципе.

– Ну, вот, значит, запомнила, крошка.

Меня аж передёргивает. Крошка, серьёзно? Кладу трубку без лишних слов, сосредотачиваясь на втором бокале.

Идиот снова звонит, и я, разделавшись с заказом, отправляю номер в чёрный список. Пусть хоть обзвонится.

Егор этот грёбаный.

Друг Тимура. Ни с того, ни с сего возомнивший, что я буду не против дать и ему. Он мне так это и заявил несколько дней назад, когда мы отрывались на вечеринке в одном загородном доме.

Особняк находился в пригороде Лондона, гудел, как улей, и лопался от масс народа. Часть зависала внутри, часть уже переместилась на лужайку и в парк. Кто-то даже по кустам и беседкам. А мы расположились в холле первого этажа своей совсем не тесной компанией. Всё было прекрасно. Тимур никак не реагировал на заигрывания сторонних девиц, весь вечер держался рядом со мной. Только в бокал подливал, да спрашивал, не скучно ли мне. Это был такой намёк, возможно, побыстрее свалить хоть куда-нибудь, остаться вдвоём. С другой стороны, он мне сам накануне заявил, что мы слишком много времени проводим в кровати, так и забыть можно, как внешний мир выглядит.

Лучше б забыли. Серьёзно.

Потому что когда Тимура отвлекли и он ушёл куда-то с

незнакомым парнем, на диван рядом бухнулся друг Тима Егор.

Этот Егор мне сразу не понравился. Липкие взгляды какие-то на меня бросал. Но держался в рамках приличия, пока Тим был рядом. Но стоило Тимуру уйти, весь флёр напускной вежливости с Егора мигом сдуло.

– Скучаешь?

– С чего ты взял? – закатила глаза на этот нафталиновый подкат.

Диджей за пультом выделял какие-то непонятные пассы, но в целом музыка была модной, так что половина зала качалась в ритм с басами.

– Тебе Тим ещё не надоел? – зашёл он с другой стороны, приподнимая бровь и явно намекая, кто может стать следующим.

– С чего ты взял? – повторила с более резкой интонацией.

И дёрнулась, стоило руке Егора опуститься мне на колено, чтобы слегка сжать его... с намёком.

– Лапу убери.

– Да что ты ломаешься? Тим поделится со мной. Как всегда до этого...

О чём это он?

Нет, иногда наглость некоторых парней просто зашкаливала. Обычно все понимали, когда надо отвалить, этот же – гнул свою линию.

– С чего ты взял, что он поделится? С чего ты взял, что я

согласуешь, чтобы мной делились?

Я толкнула его в грудь, потому что хамло решило придвинуться поближе, а руку Егора вынула из-под своей юбки, куда он занырнул слишком резво.

Обвела взглядом столик, но присутствующих совсем, вроде как, и не смутила развернувшаяся между нами сцена. Все были заняты собой.

– Может у него спросить?

– Спрашивай, – я вскочила на ноги и перешла на другой диван, где были свободные места.

А когда Тим вернулся и устроился рядом со мной, сгрёб в охапку и поцеловал долго и глубоко, отдышалась и бросила взгляд на Егора.

Тот, конечно, у друга ничего спрашивать не стал. Зато смотрел на меня так, будто между нами великая тайна.

Теперь вот названивал мне зачем-то.

– Том, ты серьёзно, смены сняла с выходных? – это Дэн, мой напарник рисуется под боком.

– Сняла, – скрипнув зубами, отворачиваюсь принять заказ у подошедшей парочки.

На выходных намечается вылазка за город, на остров Уайт. Тимур отказа не примет. Да и мне самой, что уж тут скрывать, хочется туда съездить.

«Или ты боишься отпускать Тима одного в этот рассадник разврата»? – просыпается внутренний голос.

Может быть... всё может быть.

– Да ты на весь уикэнд, начиная с пятницы, смены отменила, – сверяется с расписанием Дэн. – Том, ты самоубийца? Это же самые «жирные» дни.

Да, по выходным выручка и чаевые всегда больше. Но что я могу поделать, когда желание провести время с Логиновым перевешивает? Решаю, что в состоянии позволить себе небольшие слабости. Уже год пашу как проклятая. Имею же право чуть дать слабинку. Когда находишься в постоянном напряге, так и стресс, и депрессию заработать недалеко. По крайней мере, именно об этом говорят все доморощенные гуру из сети. А я чем хуже? Совершенно незачем впитывать прописные истинны от посторонних, когда ты способен разобраться в них сам.

– Я тут подумала, – оборачиваюсь и смотрю в карие глаза Дэна. – Может, ты мне следующий уикэнд весь уступишь?

Мы почти одинакового роста, а я девушка не маленькая, целые метр семьдесят. И по возрасту, считай, рядом. Только учусь в бизнес школе, а он в колледже Харринге по спортивной стипендии, и, кажется, ему уже весь мозг мечом отшибли. Потому что Дэн так широко скалится в ответ, будто в моей просящей улыбке нашёл намёк на что-то большее, чем дружеское расположение.

– А ты выдержишь три смены подряд?

– Конечно, – уверяю и бросаю подстаканники на стойку.

Наш паб типичный английский. Помещение погружено в полумрак, много дерева, национальной атрибутики и шерен-

ги бутылок, вперемешку с картинами местных художников, которые можно купить при желании. Вне зависимости от дня недели к девяти вечера тут обычно не протолкнуться. Но по выходным действительно пьют больше и тратят деньги охотнее.

Мы с Дэном параллельно болтаем, обслуживая клиентов. Наполняя бокалы и забирая опустошённую посуду, протирая стойку и принимая оплату, таская стаканы из мойки и нарезая фрукты для коктейлей. Действия слаженные и отточенные.

Как напарник Дэн идеален. Как нечто большее? Прости, блондинчик, ты не в моём вкусе.

Когда в субботу днём Тимур заезжает за нами с Соней, я точно знаю, кто в моём вкусе. Один наглый шатен с телом греческого бога и ленивой улыбкой, пускающие лучики морщинок в уголках его глаз.

Тимур много улыбается. У него вообще добрый и открытый нрав, лёгкий характер, но всё чаще за эту неделю мне кажется, что за этой картинкой скрывается нечто большее, чем он показывает.

Когда я приближаюсь к машине, у капота которой он ждёт, Тимур загадочно улыбается. А стоит мне подойти на расстояние вытянутой руки, указательными пальцами он подцепляет петлицы на моих джинсах и тянет к себе.

Ойкаю от рывка и оказываюсь прижатой к твёрдому подкаченному телу. Знаю, он несколько раз на неделе ходит в

зал и дома тренируется иногда. Стою между его ног так, что мы соприкасаемся бёдрами. Под кожей разливается привычное тепло. Одна искра как всегда занимает пожар. Это происходит постоянно, стоит нам столкнуться. Бух, и полыхает!

Даже сквозь два слоя плотной ткани я чувствую его возбуждение. Этот парень редко находится в покое. По крайней мере, когда я рядом, вот уж точно. И меня невольно прошибает удовлетворение и гордость, что я могу этого красавчика так сильно завести.

– И как мне выдержать три часа дороги? Паром ещё этот, м-м-м?

– Он не знаю, не знаю, – мурлыкаю ему на ухо.

Но Тимуру хочется целовать, а когда Тимуру чего-то хочется, он как локомотив – прёт вперёд прямо по рельсам, хотя даже если сойдёт, это не уменьшит его скорости. Так что наглый язык уже скоро хозяйничает в моём рту. Ровными ритмичными толчками имитируя соитие. Особенно люблю, когда Тим делает также, находясь глубоко во мне.

– Сейчас Соня спустится, – бормочу я между поцелуями.

– Я слежу, – уверяет Тим, возвращаясь к своему занятию.

Так что ко времени, когда подруга приходит с вещами, я плюхаюсь в машину и растекаюсь по пассажирскому сиденью.

– Тебе там не грустно одной на заднем? – уточняю у Соньки.

Но она отрицательно мотает головой, сосредоточенно ду-

мая о своём. Вернее, знаю я, о ком она думает, о Крисе, конечно, с которым всё-таки вознамерилась потерять сегодня девственность. Давно пора, на мой взгляд, эти двое уже неделю мурыжат друг друга, что странно при таком взаимном интересе со слов Сони. Хотя, возможно, она о чём-то не договаривает.

Всё прекрасно, пока мы не притормаживаем на заправке, где нас также ждёт пара тачек из компании Тима. Из одной вываливает Егор. Он с Тимура ростом, лохматый крашеный блондин с синими льдистыми глазами, взгляд которых опять жадно и сально проходится по мне, а потом ещё и по Соне, но она просто не замечает этого.

– Вау, у вас место свободное, – поздоровавшись с Тимом, он вознамеривается втиснуться к Соньке на заднее сиденье.

Соня, прекрасно зная, что этот хмырь меня раздражает, тут же закидывает ноги на сиденье и, позёвывая заявляет, что спит полдороги и вторую половину также планирует там спать, растянувшись почти во весь рост.

Егор готов поспорить, но Тимур, отшучиваясь, посылает его подальше.

– У меня полный комплект девчонок, больше никого не берём.

Не удивительно, что на меня накатывает облегчение. Ещё чего не хватало – терпеть компанию этого придурка до самого отеля!

К тому моменту как мы садимся на паром, время подва-

ливаает к шести. Сонька чего-то нервничает, будто надвигается гроза, хотя на небе, фигурально выражаясь, ни облачка.

– Что с тобой? – поддеваю плечом, садясь рядом на скамейку на палубе.

– Мне надо выпить.

– Сейчас приедем и выпьем. Или хочешь, попрошу Тима, он тебе чего-нибудь из запасов принесёт, у него багажник алкоголем забит.

– Спасибо, но я, если что, тут в баре куплю, не тревожь его.

Соня снова вздыхает.

– Попросить – не равно потревожить.

Она качает головой.

– Удивляюсь, Тома, твоей способности дирижировать парнями. Откуда только это в тебе? Научи, а?

– Опыт, Лёлька, опыт, – называю её детским прозвищем и улыбаюсь.

А сама думаю, что с Тимуром у меня так не получается. Скорее, это он дирижирует мной. Вот и сейчас смотрит так призывно, что я извиняюсь перед подругой и иду к нему. Встаю напротив, но Тим не говорит ни слова, только уголок губ приподнимается в усмешке. Слов лишних не надо, всё и так понятно. Я по глазам уже прочитала.

Он берёт меня за руку и ведёт за собой. Мы спускаемся на нижнюю палубу и движемся к корме, а, немного не доходя до неё, Тим открывает малоприметную белую дверь и заводит

нас внутрь. Здесь какое-то подсобное помещение. Тесное и тёмное. Но щелчок замка я слышу отчётливо, не смотря на шум в машинном отделении, которое близко.

Мы по-прежнему молчим. Даже когда он без всяких лишних поцелуев разворачивает меня к себе спиной, обнимает за талию, только для того, чтобы подцепить кнопку на джинсах и дёрнуть молнию вниз, а потом опустить штанины до колен и стринги туда же следом.

Упираюсь ладонями в стену, наклоняюсь и прогибаюсь в пояснице. Тимур только гладит мои ягодицы, сжимает их, а затем слегка шлёпает с мягкой усмешкой. Тихий стон, сорвавшийся с моих губ, становится глубже и протяжнее, когда он приседает и языком проводит по моим складкам, хотя я уже охренеть какая мокрая и никаких дополнительных ласк не требуется. Тимур настойчиво лижет, трахает меня языком и руками, лишь шире разводит ноги, чтобы я полностью раскрылась перед ним. Не прекращает, пока не удовлетворён результатом. Потому что я готова кончить уже мгновение назад. Если бы он не отстранился.

Несколько секунд у него уходит на то, чтобы раскатать презерватив по стволу, а после достаточно одного рывка, чтобы он полностью до самого основания погрузился в меня.

Его стон. Мой стон. И никаких слов. Одни лишь примитивные звуки, пока он долбится в меня. Сорвался в дикий темп с самого начала. Правильно, нам сейчас не до прелюдий. Хочется быстро и резко. И он даёт мне это быстро и

резко, и обжигающие искры летают по моему телу, наполняя низ живота приятным огнём. Каждый толчок дарит фантастические ощущения. Возможно, я уже кричу во весь голос, потому что рука Тима накрывает мой рот. Я тут же впиваюсь зубами в ладонь, но Тимур никак не реагирует, лишь входит сильнее, с оттяжкой. В этой позе я максимально наполнена им. Его пальцы гуляют по клитору: гладят, пощипывают, дразнят. Рывок, ещё один, потом следующий. Кажется, я готова осесть на пол, когда меня буквально сметает этим охренительным цунами, от которого гудит в голове, и пропадают все внешние звуки.

Утыкаюсь лбом в сложенные на стене ладони, позволяя Тиму тянуть мои бёдра на себя. Три-четыре толчка и он тоже кончает. Остаётся во мне, погружается до основания. А когда мы выпрямляемся, разворачивает к себе лицом и, наконец, целует, придавливая своим крепким телом к стене. Я распластана по вертикальной поверхности и, наверное, упала бы, если бы Тим не держал меня.

Приводим себя в порядок также в тишине, и только когда выходим, Тимур нарушает молчание.

– Извини, я бы до отеля не дотянул, слишком тебя хотелось.

Мы идём на корму, где так приятно смотреть, как бурлящие воды Атлантики вырываются из-под двигателя парома и оставляют пенящиеся дорожки на поверхности пролива.

– Приедем, продолжим, – обещает он.

– Что? Прямо сразу? – вскидываю брови с усмешкой.

Тим обнимает меня, разворачивая спиной к ограждению, и легонько покусывает в шею. Я смеюсь.

Только смех застревает где-то на полпути, когда через его плечо я замечаю фигуру Егора на верхней палубе.

Его пристальный взгляд мне совсем не нравится. Так неуютно от чужого внимания мне уже давно не было. Да... разве что раз в жизни. Но о том периоде я совсем не хочу вспоминать.

И не буду. «Ашес ту ашес», как тут говорят. Пусть прошлое останется в прошлом. Развеется прахом и забудется. Навсегда.

Глава 3

Она отличается.

Именно это возникает в моей голове в момент, когда я её вижу.

Отличается. Как только может отличаться свет от тьмы, а грязь от чистоты. Такие плоские сравнения, но лучше мне ничего в голову не приходит. Поэт из меня так себе. Да и не стремлюсь.

На самом деле, думаю, что видел её раньше, пару раз так точно. Но не подкатывал до этого. Компания была неподходящая, или я не один, а с «парой». Охеренно пафосно, ну а как ещё мне обозвать случайную девку на ночь или на две? Эскорт? Я же им не плачу. Крутятся вот под ногами, иногда спотыкаются и в кроватку ко мне падают, откуда уползают в полном удовлетворении. Претензий я ещё не слышал.

В любом случае, с Тамарой я до того вечера не соприкасался. А в «Ауте» соприкоснулся. Подошёл первым.

Раз, были мы там без баб. Кто ж в Тулу со своим самоваром? То есть в «Аут» со своим прицепом ходит? Два, мне не хотелось, чтобы к этой девушке подваливал ещё кто-то, кроме меня. Кандидатов там всегда достаточно. Парочку, пытавшихся приклеиться к ней со спины на танцполе, Тома срезала точными ударами острого локтя. Дикая штучка не церемонилась. И я почувствовал импульс подойти и дикость эту

попробовать самому.

Егор, кстати, тоже хотел подвалить, но я ткнул приятеля в плечо и приказал сидеть. Хотя думаю, Тома бы его отшила, если б он подкатил, не её полёта он птица. Но не факт... не факт... теперь уже и не узнаешь.

Мы быстро нашли общий язык и прочие точки соприкосновения, и ночь у нас выдалась охрененно жаркой. Попытка побега на утро, конечно, была неожиданной, и в другой бы раз я бы сам девке дверь открыл. Но не Томе... Её отпускать от себя почему-то не хотелось.

И с каждым днём это всё труднее делать.

Что в ней особенного? Этот вопрос я задаю самому себе постоянно.

Она отличается. Вот и весь ответ.

Даже сейчас, стоя у перил ограждения на втором этаже, потягивая вино из бокала и смотря на набирающую темпы вакханалию внизу. Отличается. Она раскованная и сексуальная, на многое согласная, готова на эксперименты, но грязи я не чувствую. И развращённости тоже. Это приятно освежает. Это делает её особенной в моих глазах.

Чёрт, может, я влюбляюсь? Знать бы ещё, что это такое!

Нам хорошо вместе, и пока нам хорошо, я ничего менять не намерен.

Никого другого пока не хочу. Её хочу. Постоянно. Просто магия какая-то.

На первом этаже начинают играть в полуголый твистер:

это ещё больше распаляет народ. Очень удобно потрогать напарника по игре. Смешки перетекают в откровенный гогот. Пошлые шуточки витают в воздухе вместе со сладким запахом понятно чего. Даже те, кто не курит, уже надышались. Всем весело.

На лице Тома, взирающей на вошедших в раж студентов, нет удивления, впрочем, как и неприятия. Вроде ей всё равно. Она не с ними. Не с толпой. Просто в роли стороннего наблюдателя. Скучающего притом.

Прямо как я иногда.

Я люблю вечеринки. Серьёзно. И образ жизни свой люблю. Но даже от этого устаёшь. Иногда хочется взять перерыв, перезагрузиться. И Тома сейчас для меня – та самая перезагрузка.

Поднимаюсь на второй этаж по другой лестнице и приближаюсь к Томе со спины.

Она чуть вздрагивает и напрягается, когда я её обнимаю, но осознав, что это я, а не случайный пьяный незнакомец, Тома расслабляется.

– Грустишь?

– Неужели так заметно? – повернувшись, прищуривается она. – Может, мне спуститься и поиграть в твистер со всеми? Как думаешь, это меня развеселит?

– Переломаю руки тому, кто посмеет дотронуться до твоей задницы, – опускаю ладонь и сжимаю упругую ягодицу, обтянутую узкими джинсами. – Это моё, – заявляю свои пра-

ва, а потом коротко целую Тому в шею.

Она наклоняет голову, и я двигаюсь к уху, чтобы прикусить мочку и прошептать ей всё, что я планирую делать с ней сегодня ночью. Чуть позже. Секс на пароме немного снял напряжение, но недостаточно.

Думал, уже могу контролировать свои грёбанные порывы, но с Томой контроль летит ко всем чертям. Я её хочу. Постоянно.

– Да ты собственник?

– Есть такое.

– А тебе весело? – меняет тему, кивая на толпу внизу.

– Вполне, – коротко бросаю, но, по правде, мне уже скучно.

Когда вечеринка балансирует на грани – самое то, когда большая часть присутствующих находится в одном шаге от отключки, мне уже не интересно.

Обнимаю Тому за талию и целую в плечо. С огромным удовольствием я бы сейчас уединился в спальне и стянул эту дурацкую одежду с нас. Но, наверное, за минувшую с нашего знакомства неделю, Тома уже итак заметила, что я маньяк во всём, что касается её. В один момент мне самому интересно, как долго я могу сдерживать свои желания и не трогать её, в другой – думая, какого чёрта. Если хочу трахнуть девчонку, надо пойти и трахнуть. Короче, грёбанные контрасты и сомнения. Совсем мне несвойственные.

Да уж, встречаться с одной и той же бабой целую неделю

мне тоже несвойственно.

Но Тома отличается, и привычная матрица уже даёт сбой.

– Любишь быть в центре внимания, – и это даже не вопрос.

– А я и есть сам центр внимания, – заявляю с наглостью.

На самом деле, так и есть. Вечеринки, которые устраиваю, все крутятся вокруг меня. Я свой в Лондоне, сослан сюда «любимым», да-да, в кавычках, родителем в возрасте четырнадцати лет. Как там Есенин про каждую собаку писал, так меня тут в центре британской столицы тоже каждая собака знает. Я не скрываюсь, не прячусь, хотя родитель явно предпочитает, чтобы я не высывался. А я высываюсь. Ему назло.

Сослать – сослал, но плясать под его дудку я не собирался и уже навряд ли соберусь.

– Пошли, – бросаю и беру Тому за руку.

– Куда?

– В сторону кровати.

Направление задано. Мы спускаемся на первый этаж, движемся к выходу. Нас, конечно, попутно тормозят. Кто-то из вновь прибывших стремится перекинуть со мной ничего не значащими фразами. Плюс подтягиваются любители халявы, в основном местные, отследившие локацию сегодняшней вечеринки по социальным сетям. Очень надеюсь, что руководство «Лейкс Рукли» не добавил мою персону в вечный бан. В принципе, это место мне нравится. Можно было бы и

с Томой сюда как-нибудь приехать только вдвоём.

Тут же одёргиваю себя. Что за бред? Я уже думаю о том, как мы проводим время вместе – один на один. Может, мне её ещё куда-нибудь подальше вывезти? Только она и я? Это ведь не мой стиль. Но Тома рушит все константы налаженной жизни.

Оборачиваюсь, чтобы взглянуть на неё. Только Тома стоит, отвернувшись, смотрит в сторону, хотя я и держу её за руку. Отслеживаю направление и натыкаюсь на Егорку. Того уже оседлала какая-то деваха, а вторая стоит позади дивана и массирует развратнику плечи.

Егор слегка отбит на голову. Но я этого перца знаю с детства. Правда, лет двенадцать мы точно не общались, и, встретившись в прошлом году здесь в Лондоне, как-то начали снова. Он неплохо влился в нашу компанию. Проблем тоже не доставляет. Да и семьи общаются. У отцов какие-то общие мутки по бизнесу. Грязному бизнесу, конечно. Ничем чистым моё семейство не занимается.

Тома отворачивается, натыкается на мой изучающий взгляд и вздрагивает. Будто я её поймал с поличным. Приподнимаю бровь вопросительно, а она жмёт плечами, и нос морщит. Поди пойми, что у неё в голове. Она, бля, не книга, она китайский древний фолиант, который хрен прочитаешь без соответствующего образования. Но я пробую... читаю, как умею, короче.

Когда мы, наконец, выходим на улицу, Тома расслабляет-

ся. Вижу, что устала. Всё-таки дорога выматывает. Но ничего, мы утром выспимся, как следует. Только прежде марафон. Можно разогнаться прямо в душе. Ей тоже нравится там стартовать – это я уже понял.

Обходим коттедж по правую руку, чтобы добраться до дорожки в сторону отеля. У нас там снят супер-люкс и все дела. Думаю, Тома не ожидала, что я отделюсь от основной компании. Но, простите, тусить до усрачки большой оравой можно какое-то время, а отдыхать я люблю с комфортом, а не в общем доме, который до утра будет разрывать от людских стонов и скрипов мебели.

Моим мыслям аккомпанирует тихий всхлип, долетающий до нас из патио коттеджа.

Тома замирает, а я пружиню дальше, и руки наши натягиваются, пока захват не разрывается по инерции.

– Пойдём.

– Может, кому-то помощь нужна?

– Какая? – приподнимаю я бровь. – Выпить? Кончить? Проблеваться?

Тома бросает на меня выразительный взгляд, разворачивается и идёт в сторону патио. Так что и мне приходится отодвинуть подальше картинку обнажённой мокрой Тома в душе, стоящей на коленях в ванной и берущей в рот. И пойти следом за ней.

Ну, конечно, кто ещё может рыдать в кустах? Только пьяная девица. Именно её мы и находим. Сидит на газоне, иг-

норируя скамейку и сопли на кулак наматывает.

Я в принципе парень добрый и понимающий, даже умею сопереживать и сочувствовать, но здесь же сразу видно – человек сам искал проблемы и нашёл. Если к двадцати, или сколько там девушке лет, она не научилась себя контролировать: не напиваться до усрачки и не присаживаться на землю в неподходящих для отдыха местах, это, наверное, её проблемы. А не мои, и не Томины. Которая как заправская Мать Тереза опускается перед девахой на колени и спрашивает всё ли хорошо и не нужна ли ей помощь.

Между ними происходит короткий диалог, в смысл которого я не особо вслушиваюсь. Но в итоге Тома через второй вход идёт в дом за сумочкой этого «пьяного недоразумения», а я подхожу ближе и протягиваю руку, чтобы помочь ей подняться.

Девушка цепляется за неё, успевая при этом постреливать затуманенным взглядом. Инстинкты, бя, врождённые. Мне даже смешно от её подкатов. Только когда рывком ставлю её на ноги, и деваха прижимается ко мне всем своим телом, попутно обвивая ручонками мою талию, накатывает раздражение. Э-э-э, нет, так не пойдёт. Трогать меня никто не разрешал.

– Тимур... ты же Тимур, да? – она даже утыкается лбом мне в грудь и тихонько всхлипывает.

– Ну, да. Сама ведь знаешь, к чему эти уточнения?

Очень аккуратно отстраняю её от себя, а то, боюсь,

если толкну, она завалиться обратно под куст.

Девушка облизывает губы и снова стреляет глазами, что-то там лепечет про номер её комнаты и благодарности.

У меня уже уши в трубочку, прямо выражаясь, слава богу, Тома возвращается с её сумкой, а потом спрашивает у девушки, не надо ли проводить её к отелю.

Почти закатываю глаза. Я ещё только в провожатые не подряжался. Ну, серьёзно.

У девахи хватает ума отказаться и уйти, пошатываясь.

– Напрасно, – подвожу итог и снова беру Тому за руку.

– Что напрасно?

– Усилия твои.

Мы идём к корпусу.

– Почему это?

– Она сейчас закинется у себя чем-нибудь, ну, может, предварительно два пальца в рот заложит, чтобы полегчало, и приползёт обратно.

– С чего бы это? – Тома хмурится.

– Они всегда так делают. Вечеринка. Халява. Бесплатная выпивка. Странно, что у неё номер снят. Ну, наверное, она с подружками. В любом случае, Том, я таких экземпляров до фига и больше наблюдал. Не нужна ей твоя помощь, поверь.

Не буду же ей рассказывать, что пока Тома искала её сумочку, девушка предприняла жалкие попытки меня склеить. Впрочем, не будь тут я, любой бы подошёл.

Вот Тому мне сложно представить в несознанке под ку-

стом. Она отличается. А эти... этих я видел немало за свою не такую уж долгую взрослую жизнь.

– Тимур, знаешь, я не думаю...

– Всё, закрыли тему, – обрубаю на полуслове и, притормаживая, разворачиваю Тамару к себе.

Её тело врезается в моё, и напряжение отпускает. Стоит языку расхозяйничаться в её рту, член натягивает ширинку. Тома стонет. Восхитительная реакция. И волосы её распущенные, бля, как жидкий тёмный шёлк. Люблю пропускать пряди между пальцами. Этим и занимаюсь, а потом сжимаю волосы сильнее, тяну, чтобы голову отвела и снова застонала. Тома ахает и трётся бёдрами о мои бёдра. В штанах уже теснее некуда. Да, срочно в душ. Смывать дорожную пыль, липкие запахи вечеринок и трахаться.

Когда мы идём к номеру, невольно ускоряем шаг, и в двери уже практически влетаем. Пальцы Тома пляшут от нетерпения, она расстёгивает мои джинсы и тянет футболку вверх. А я её одежду чуть ли не рву, по крайней мере, швы трещат, когда я, словно пещерный человек, сдёргиваю с Тома кофту.

Тропический душ обрушивается на нас прохладной водой, и мы вскрикиваем от неожиданности, и целуемся, пока температура не нормализуется.

– Люблю, когда ты голая, – кусаю Тому в плечо, и она шипит, и тут же опускает руки, чтобы обхватит член и провести вверх-вниз несколько раз.

Теперь шиплю уже я. А когда Тома без подсказок и просьб

встаёт на колени, из меня вырывается одна нецензурщина.

Блять... какой горячий у неё рот. И язык. Приходится упереться ладонью в стену, чтобы не потерять равновесие. Хватаю Тому за голову, приближая к своему паху. Она вбирает член полностью. Глаза у неё закрыты, а на лице удовольствие. Ей самой нравится.

Я не форсирую события и не веду себя грубо. Хотя очень хочется двигаться. Но вся власть сейчас у Тома. Она отличается. Даже если она хочет сделать что-то для меня, это и для неё в первую очередь. Я ведь потом её отблагодарю. Заласкаю ртом и языком так, что будет молить о пощаде.

Её пальцы впиваются мне в бёдра, она направляет, и сквозь полуприкрытые веки я смотрю, как член движется между её губ.

Она отстраняется, чтобы сделать вдох, а я поднимаю её и разворачиваю спиной к себе. Мну грудь, трусь членом о ягодицы, кусаю плечи, спину, шею, вырывая серию коротких вскриков и стонов.

– Пошли в кровать, – указываю я, и Тома кивает.

Хватит с нас сегодня поз сзади. Хочу трахаться лицом к лицу. Смотреть, как она испытывает удовольствие и кончать, держа за руку. Романтика, бля.

Мы выдерживаем только один раунд, и оба быстро проваливаемся в забытье, слишком утомлённые, чтобы расцепить объятия.

Моё сознание серое и вязкое, наполненное картинками

прошлого, которое я не звал.

Не знаю, почему этот хороший день заканчивается поганим кошмаром. Раньше эти сны преследовали меня то и дело, но мне казалось, я вполне успешно избавил себя от них. Казалось.

Глава 4

Телефон звонит, наверное, третий раз. По крайней мере, в моём сознании эта трель становится всё громче и громче, то прерываясь, то возобновляясь вновь. Назойливо так.

По инерции сажусь на кровати и оглядываюсь, пытаюсь определить источник звука.

– Спи, сладкая, – укладывает меня обратно Тимур. – Это локальный телефон, я разберусь.

– Я не сладкая, – бормочу, снова проваливаясь в сон.

Вчера мы резко вырубались, но посреди ночи Тим меня разбудил. Он постоянно так делает. Не знаю даже почему. Будто не может спать всю ночь от и до. Ну а если уж проснулся, то и меня будит. Поцелуями и прикосновениями. Иногда даже извиняется, хотя я не очень-то и возражаю. Ночной секс проходит, словно в дымке. Ничего понять не успеваю, когда Тим уже на мне и во мне. Двигается плавно и безумно нежно. Мне хочется лишь обнимать его и стонать в ритм с толчками, растворяясь в этом парне без остатка. Он необыкновенный. И всегда думает о моём удовольствии. Всегда.

Тим, в общем-то, добрый и внимательный, хотя не любит это демонстрировать на публику. Прекрасно понимаю, почему. Потому что желающих сесть ему на шею довольно много. Насмотрелась уже за неделю на «друзей», которым от него что-то надо. Есть и нормальные, конечно, но лебезящих про-

сто пруд пруди. И отчасти Тим в этом сам виноват. Нравится ему быть в центре внимания, сам же вчера так сказал.

Но и он, что называется, умеет отделять зёрна от плевел. Держит большинство на расстоянии вытянутой руки, к себе не подпускает, хотя тем кажется, что они вхожи в его близкий круг.

А я даже не понимаю, какой он у него – близкий круг? Иногда мне кажется, что Тим одиночка. Всё, что происходит его в жизни, лишь декорация. Красивая такая декорация.

Надеюсь, ко мне это не относится? Мне хочется быть для него настоящей. Отличаться от всего, к чему он привык.

С этими мыслями я опять проваливаюсь в сон, пока тёплые губы не касаются моей щеки, вырывая из полудремотного состояния. Потом перемещаются к уху.

– Принесли завтрак. Я в душ. Можешь начинать без меня.

Проворные пальцы щекочут мои бока и живот, а громкий поцелуй в ухо и удаляющийся смех окончательно будят.

– Шалопай, – ласково бормочу ему вслед, но Тим уже и не слышит.

Откидываю одеяло и иду к дорожной сумке, чтобы, порывшись, достать шёлковую пижаму: шортики и топ. Не разгуливать же по номеру, в чём мать родила, хотя Тимур бы, наверное, и не возражал.

Решаю его не беспокоить своим присутствием и иду во вторую ванную, чтобы умыться и причесать волосы. Потому что боюсь, если загляну к Тиму, мы снова застрянем в ду-

ше. Со дня знакомства совместные водные процедуры стали чуть ли не традицией. Нам вообще сложно отцепиться друг от друга, мы как две скрепочки.

Этот супер-мега люкс просто огромный. Здесь несколько комнат: гостиная, пара спален, зона кухни, кабинет, огромная терраса. Куда нам столько площади на один уикэнд? Не знаю, зачем Тим его снял. На мой взгляд, подошёл бы номер поскромнее. Если он хотел впечатлить, то мне на весь этот пафос плевать с высокой колокольни.

Примерно с такими мыслями я и выхожу в обеденную зону, где нам сервирован завтрак. И застываю на пороге.

За столом, поигрывая тонким десертным ножичком, расположился Егор. Ещё и посматривает на меня мерзким раздевающим взглядом, так что я вмиг ощущаю себя голой. Но вместо того, чтобы уйти и прикрыться, расправляю плечи и шагаю к небольшому барному уголку, где наливаю чашку кофе.

Игнорирую этого хама, который не понятно каким образом сюда пробрался.

Тим его пустил? Так если б пустил, предупредил бы меня. Наверное?..

– А где доброе утро? – хмыкает Егор.

Его холодный взгляд зависает на моих бёдрах. Егор даже облизывается, наливает воды себе в стакан и пьёт, поглядывая на меня поверх стекла.

– Начал бы первым, подал бы пример, – брякаю я и отво-

рачиваюсь, чтобы добавить молока в кофе.

И зря.

Потому что я не успеваю среагировать, когда этот гад встаёт, оказывается возле меня и прижимается пахом к ягодицам.

Чувствую его возбуждение, а на душе так гаденько от этого. Пытаюсь вырваться, но Егор не пускает. Чёрт, как это недоразумение оказалось в друзьях у Тима? Они же будто два полюса – абсолютные противоположности и не должны пересекаться по всем законам физики.

– Что ты себе позволяешь? Отпусти!

– Что ты себе позволяешь, – передразнивает он и делает пару движений бёдрами, имитируя половой акт. – Ровно то, что позволил бы мне Тимур. М-м-м? Ты чего ломаешься? Думала когда-нибудь о сексе втроём? А может, уже занималась?

Ладонями он обводит мои плечи, и мурашки, которые ощущаю, не от удовольствия, как он, наверняка, подумал, а от ледяного страха. Я будто зажата в капкане. Между ним и грёбанной стойкой, край которой впивается мне в живот.

– Отлипни, – пихаю Егора локтём под рёбра, но гад лишь посмеивается.

Впрочем, в этот момент звук льющейся в душе воды затихает, и Егор отстраняется сам. Уходит к мягкому уголку и падает в кресло. А я разворачиваюсь к нему лицом. Больше такой ошибки не допущу: становиться спиной к этому недо-

носку.

– Хватит ломать из себя оскорбленное достоинство, Тома. Мы оба знаем, что ты не такая!

Оба знаем? Я поднимаю брови удивлённо. И на что это он намекает?

– Когда Тим наиграется, я тебя подхвачу, не переживай.

– Не переживай, не наиграется, – заявляю я, хотя после слов Егора такой уверенности не чувствую.

Мы буравим друг друга взглядами, и в этот момент в комнату входит Тимур. Он в отельном халате с мокрыми взъерошенными волосами, улыбается мне. Увидев Егора, удивляется.

Отлично, значит, не он этого клоуна к нам в номер пустил.

– Привет, – оборачивается ко мне, – у нас гости?

– Да сама в шоке, – отвечаю с иронией, которая, конечно, явственна и заметна.

– Просто шёл мимо, смотрю, дверь открыта. Дай, думаю, загляну, – выдаёт Егор и подмигивает, но только мне.

Реально хочется отставить чашку с кофе в сторону, упереть руки в бока и крикнуть, чтоб валил. Но, конечно, я этого не делаю. И, слава богу, Егор сливается сам.

– Наверное, дверь не до конца прикрыл, когда ходил на рецепцию разбираться с последствиями вечеринки, – поясняет Тимур, когда мы снова остаёмся наедине. – Это они звонили по внутреннему номеру.

– Что-то серьёзное?

– Нет, так, по мелочи: поломали мебель, жалобы от соседей, особо рискованные в декоративном пруду решили искупаться. Стандартный набор.

– И охота тебе потом эти проблемы разгребать?

Вопрос получается чисто риторический.

Тимур пожимает плечами с коротким «мелочи» и подходит ближе. Чтобы обнять за талию и поцеловать в уголок поджатых губ.

Наши взгляды встречаются. У меня в голове бьётся настойчивая мысль, что надо ему сказать про навязчивого Егора. Потом следует мысль, что Егора Тим знает намного дольше меня, и кому он поверит, ещё вопрос. Может, решит, я так цену себе набиваю.

Видимо, теперь я хмурюсь. Потому что Тим проводит кончиком указательного пальца между моих бровей, и я вижу вопрос в его глазах.

– Меня Егор напрягает, – выпаливаю я, решаясь.

– А что с Егором?

– Он... секс втроём предлагал.

– А ты когда-нибудь им занималась?

– Нет, – отрицательно мотаю головой.

– А хотела бы попробовать? – почему-то вдруг спрашивает меня Тимур.

Ещё и улыбается по-прежнему, но, кажется, его вопрос – не шутка.

– А ты? Хотел бы? – выдаю встречный, вспоминая о сло-

вах Егора, что поделиться девушкой – это в их «дружбе» нормально.

Может, так оно и есть?

– Я нет.

– Вот и я нет.

– Нет вообще или нет с Егором?

– Нет вообще.

Губы Тима снова трогает улыбка.

– Ну тогда какие проблемы? Мы всё прояснили: нет и нет, – Тим тянет меня за стол, – давай завтракать.

Мне бы хотелось рассказать ему что-нибудь вдогонку про Егора, но что? Никакой конкретики: одни ощущения. Подумает ещё, что я жалуясь или цену себе набиваю.

Встали мы довольно поздно, и пока завтракаем, Тиму умудряются позвонить, наверное, раз пятьдесят. В итоге он всех направляет по адресу, и после завтрака мы едем в уютный городок поблизости, где оседаем большой компанией в пабе.

Пытаюсь разузнать, как там Соня, возможно, даже позвать её с собой, но та коротко отписывает, что они с Крисом «гуляют». Так что я решаю не беспокоить подругу, раз у них с красавчиком теперь всё, как говорится, на мази, и подробности будут после, уже в Лондоне.

Вчерашняя пьянка обошлась без последствий, и я с некоторым удивлением наблюдаю, как часть народа продолжает надираться, едва проспавшись. Никого вечное похмелье, ка-

жется, не смущает.

Это то, что больше всего меня удивляет в «золотой» молодёжи. У них куча перспектив и возможностей, а они гасят свои жизни, тратя время, не пойми на что, и рискуют, буд-то у них уйма резервных сохранёнок, как у персонажей компьютерных игр.

Мы сидим за массивными дубовыми столами огромной компанией. Я приваливаюсь к боку Тима плотнее, потому что особо наглые женские особи уже пытались протянуть свои щупальца к моему парню.

Моему парню?

Что это? Оговорочка по Фрейду?

А мы встречаемся? Мне надо уточнить этот вопрос у Тима? С какого момента тесного общения можно сказать, что парочка встречается?

Никогда не начинала отношения с секса, поэтому неясностей масса. Всё, как в первый раз. Но если мы много времени проводим вместе, мы, наверное, встречаемся, так ведь?

Тимур ловит мой застывший взгляд и вопросительно приподнимает брови, а я лишь моргаю и качаю головой.

– Не выпалась? – обнимая, шепчет на ухо, большим пальцем потирает моё плечо.

– Ну да, кто-то определённо решил внести коррективы в мой ночной график отдыха, – шучу я.

– Не помню, чтобы ты возражала.

– Всё верно, я и не возражала.

Даже сейчас бы я не возражала оказаться с ним в полумраке спальни. Наедине. А не в этой тусовке, где большая часть народа мне неинтересна, а оставшаяся – незнакома.

Хорошо, хоть Егора нет. Может, он подвалит позже, и я очень надеюсь, что к этому времени нас здесь не будет.

– Вслушиваться не обязательно, – шепчет на ухо Тимур.

– М-м-м?

– Тебе не обязательно принимать участие в разговоре. Допивай свой вишнёвый эль и прогуляемся на улицу.

Сам Тим не пьёт сегодня. Он вообще знает меру. Всегда. Ни разу не видела его в подпитии. Интересно, много ли таких людей, как я, которые замечают, что он может тянуть один бокал виски или пива целый вечер?

Честно говоря, достаточно часто он в принципе к алкоголю не прикасается. Отсюда вопрос – зачем ему это всё? Вот эта бесконечная сансара удовольствий?

Выйдя на яркий свет, я жмурюсь. В полумраке паба было уютно и потерялось ощущение времени, а тут оказывается ещё день в самом разгаре, и до вечера далеко.

– Мы куда-то идём? – спрашиваю, когда Тим берёт меня за руку и ведёт прочь от здания.

– Едем, – поправляет он. – Проветримся? Ты же не против?

Конечно, я не против и очень даже «за» провести время наедине с Тимом. Рядом с нами всегда кто-то трётся. Такой уж парень мне достался.

Жду, пока он заведёт машину, но Тим вместо этого, ерошит волосы на макушке и улыбается так открыто и заразительно, что мне самой становится весело без причины.

Через секунду его руки на моей груди, плечах и в волосах, а губы ласкают шею и рот. Поцелуи такие интенсивные и совсем не невинные, успеваю только охать и ахать, потому что всего несколько движений языком и пальцами распалют меня до состояния, взметнувшегося в небо пламени.

– Так-так, – посмеивается Тим, – совсем не собирался на тебя набрасываться. Надо немного успокоиться, но, чёрт, Тома, с тобой просто мозг на вылет, знаешь?

Нет, я не знаю. Даже не знаю, правду ли он говорит, но мне приятно.

И даже то, как Тим держит меня за руку, когда ведёт машину, тоже очень приятно.

Боги... я, кажется, влюбляюсь.

К слову о Богах...

Место, в которое привозит меня Тимур, вызывает бескрайнее удивление. Во-первых, я просто не ожидаю, что он это сделает. Во-вторых, что он здесь забыл? В-третьих, этот парень разбивает все установки и мнения, которые у меня могут складываться в отношении него.

Мы поднимаемся по высоким ступеням и через массивные деревянные двери входим внутрь церкви. Она небольшая, но очень уютная, и ощущение простора, как в любом из готических строений, достигается за счёт высоких стрельча-

тых сводов и витражных ланцетовидных окон.

Мой взгляд перескакивает с элемента на элемент: контрфорс, нервюры, аркбутаны, розетки, контрлиерны и многое другое крутится в моей голове. Всё, что запомнила из вводного курса истории искусств, всплывает в памяти то и дело.

– Ты чего такая напряжённая? – Тим оборачивается ко мне с улыбкой. – Боишься, что кара небесная настигнет, как только переступишь порог? Так мы его уже переступили. Молнией нас не поразило.

Он тянет меня к одной из скамеек в сумрачном углу, загадочно добавляя:

– Хотя после вчерашнего бурного вечера и ночи всё могло бы быть.

– Так ты грехи замаливать решил? – обретаю уснувший голос и подначиваю в ответ.

– Жизни не хватит, – философски бросает он.

– Так живём всего-ничего, когда успел-то? – звучит, как шутка, но обычно весёлый Тим вдруг хмурится.

– Иногда дело не в количестве, а в качестве. В качестве совершаемых дел и поступков.

– Угу, так и запишем, качество грехов. А можно с этого момента поподробнее?

Впрочем, серьёзность у него как появилась, так и улетучилась. На лице Тимура снова улыбка, хотя взгляд обращён вперёд, а не на меня.

– Моя невозддержанность, когда ты рядом, вот мой основ-

ной грех на данный момент. Постоянно тебя хочу.

– Плюсани ещё один следом: пошлые разговорчики в святом месте.

Уголок губ Тимура медленно ползёт вверх, а раскрытая ладонь опускается мне на колено и легонько его сжимает.

– Хочешь усугубим?

Смотрит так, будто готов двинуться дальше, чем простые «пошлые разговорчики»

– Н-нет, – заикаюсь, не понимая: он серьёзно или шутит?

Тим наклоняется, скользит носом по моей щеке и медленно целует в скулу. Вот и всё. Наверное, я переоцениваю степень его пошлости, у парня всё-таки есть представления о рамках приличия. Впрочем, не могу в этом до конца быть уверенной.

Но он опять делает это: переплетает наши пальцы в тесном пожатии. От этого незамысловатого жеста мне безумно приятно.

Перевожу дыхание, потому что оказывается, я делала короткие, почти неслышные вдохи, чтобы не нарушить момент.

Тимур запрокидывает голову, разглядывая центральный неф, и я следую его примеру.

Есть в таких местах особая магия, и, наверное, отчасти я понимаю, почему Тим привёл меня сюда.

– Как называется это место?

– Сент-Лоренс. По мне – то, что надо. Не давит величием,

как огромные соборы, и не чувствуешь себя под прицелом взглядов, как в небольших сельских приходах.

В церкви, кроме нас, никого. Хотя уверена, что здесь порой весьма и весьма многолюдно. Об этом мне сказал красиво оформленный уголок для прихожан и выставка детских поделок на заданную тематику.

– И много где ты побывал? В таких вот приходах?

Мне хочется сказать, что ни разу не слышала от него ничего, что косвенно бы касалось темы веры, но мы знакомы без году неделя, да и не производит Тим впечатление парня, придающего большое значение этим вопросам. Если б придавал, уж точно бы не вёл тот образ жизни, который ведёт.

– Свой первый год в Англии я провёл в глубинке. В деревушке, где я жил, был милый пастор и небольшой уютный приход. Мне просто нравилось торчать там то и дело. Иногда я уходил туда поспать или почитать книгу. Спалось там просто замечательно, – добавляет он с такой интонацией, что мне кажется, за этими словами кроется нечто большее, чем он мне озвучил. – Жаль, я там пробыл чуть больше года, потом переезжал и, в конце концов, оказался в Лондоне.

Удивительно, никогда прежде в разговорах мы так глубоко в прошлое не ныряли. Отмираю, осознав, что от меня ждут хоть какой-то реакции.

– Не самый худший вариант, – бормочу я.

Знаю, что Тимур переехал сюда, когда ему было четырнадцать. И сейчас, в двадцать, он тут как рыба в воде, словно

родился на этой земле.

– Не самый худший, точно, но сельская Англия мне нравится больше. Хотел бы я тебе показать некоторые места, – внезапно добавляет он, и я прикусываю нижнюю губу.

Потому что мне бы то же очень... очень хотелось, чтобы он мне их показал. Только я и Тим. Без этой бесконечной вереницы «друзей» на хвосте.

Собираюсь что-то сказать по этому поводу, но Тимур уже меняет тему.

– Как тебе здесь? Мне почему-то показалось, что тебе понравится, раз уж выбрала профессию, связанную с искусством.

– С бизнесом в сфере искусств, – поправляю я и чувствую тепло, от того, что Тим запомнил что-то из моей болтовни про учёбу.

Иногда мне кажется, он меня не слушает, я болтаю, словно фоном, порой не уверенная, что ему интересно. Но если я что-то рассказываю, Тим никогда не перебивает, а теперь выясняется, что всё слышит и помнит.

– Без разницы. Просто так ведь подобное направление не выбирают.

– Да это был... осознанный выбор, – шепчу я и опускаю глаза от этой небольшой лжи.

Конечно, мне хотелось другого, но вышло то, что вышло. Я везунчик, в общем-то, по меркам среднестатистической девчонки из России. К чему жаловаться?

– Что такое? – замечает он перемену во мне. – Только не говори, что это был осознанный выбор твоих родителей.

– Нет, они ни при чём.

Она ни при чём. Моя мать. Отца я даже не знаю. А маме помогаю, и деньги шлю по возможности. Восемьдесят или сто фунтов для неё в переводе на рубли уже огромная помощь.

Я резко меняю направление, потому что не хочу, чтобы Тимур углублялся в тему моей семьи. Мы с ним родных не обсуждали, и я не расспрашиваю его, потому что боюсь встречных вопросов. Придётся лгать. А мне очень не хочется этого делать.

Выйдя из Сент-Лоренс, мы не возвращаемся к остальным. До самого вечера Тимур меня «прогуливает». Мы приезжаем в старое поместье, где долго бродим по цветущему саду. Сейчас май и ранние растения, которые тут распускаются уже в марте, сменяют более поздние и пышные. В любом случае, Тимур терпит мои девчоночьи загоны, даже фотографирует, пока я позирую в разных локациях, чтобы сделать снимки для социальных сетей.

– Знаешь, последняя модель щёлкает лучше, ты чего себе девайс неновишь? – делая кадр за кадром, комментирует он. – И отклик экрана там резвее.

– А я сложно привыкаю к новым вещам, – отрезаю я, – мне этот нравится.

Ну не рассказывать же ему, что на новый у меня денег

нет, а этот я купила с рук, чтобы хоть уж совсем с древним смартфоном не ходить.

– Может, его разбить, чтобы ты быстрее решилась?

Он, вроде как, и шутит, но смотря на мой несчастный телефон, зажатый у Тима между кончиков пальцев, паникую.

– Кто разбивает, тот и покупает, – выдаю после недовольного выдоха.

– Замётано! – Тим подбрасывает или, вернее, делает вид, что подбрасывает смартфон в воздух, и я ахаю, но Тимур лишь прикалывается, возвращая его мне со своей улыбочкой.

Тема закрыта, и мы гуляем дальше. Конечно, в какой-то момент я начинаю понимать его. В этих старых английских камнях есть своя романтика и атмосфера. Урбанистический либеральный Лондон кажется мне сейчас местом с другой планеты. А вот этот «Нанвелл Мэнор» будто застыл в... когда он там был построен? Ну, если верить информации на входе, первое поместье здесь появилось аж в одиннадцатом веке, современному зданию лет четыреста. Сложно представить такие далёкие даты.

Мне удивительно легко один на один с Тимуром: вне кровати и вне шумных компаний. И ему, кажется, тоже.

И его задумчивый взгляд, который я ловлю на себе то и дело, вызывает у меня толпу приятных мурашек. Очень надеюсь, что ему также хорошо, как и мне.

Может, охапка цветов, которую он мне покупает на обрат-

ной дороге в отель в одной из «цветочных ферм», является тому подтверждением? Мы сворачиваем с основной дороги, а Тим так уверенно ведёт машину, будто в это место он ездил ни раз. Мне приятно и необычно, потому что Тимур впервые дарит мне что-то. Всё, что я могу – уткнуться носом в лавандового цвета растения, названия которых даже не запоминаю, потому что садовод из меня так себе. Но пахнут они одуряюще прекрасно и внимание Тима, что уж скрывать, согревает моё дрогнувшее сердечко.

День уже плавно перетёк в вечер, а вечер находит страстное продолжение на территории нашего люкса.

Ночью просыпаюсь от какого-то странного звука. Сразу не понимаю, что это Тим говорит. Во сне. Сквозь стиснутые зубы. Подвигаюсь ближе и наклоняюсь, чтобы взглянуть на его лицо, но в номере так темно, что я почти ничего не вижу. Хочу потянуться к прикроватному столику, чтобы включить свет, когда Тимур внезапно выдыхает:

– Инна.

Имя это произнесено с такой мучительной болью, что я застываю. Инна?

А потом резко ложусь на подушку и жмурюсь, потому что дыхание у Тимура изменилось. Понимаю, что он почти проснулся, и мне почему-то не хочется, чтобы он застал меня с поличным, нависнувшей над ним.

Понимаю, что Тим уже точно не спит. Чувствую, как двигается одеяло, когда он заносит руку и, вероятно, проводит

ладонью по лицу, стряхивая сон.

Матрас пружинит, когда Тим встаёт, чтобы накинуть халат. Глухой хлопок по столешнице, с которым он подхватывает пачку сигарет и зажигалку, мягкий звук, с которым отъезжает дверь на балкон, практически бьют по ушам и нервам.

И нос щекочет тонкий запах табака, который вместе с ночным ветром приносит ещё больше вопросов в мою голову.

Глава 5

– Губу закатай, – доносится со стороны.

Я поворачиваюсь и утыкаюсь взглядом в рослую блондинку. Про таких говорят – ноги от ушей. Ещё и задница охрененно подкаченная, которую она, естественно, не стесняется демонстрировать. Часто у тех, кто озабочен своим телом, самомнение раздутое, здесь также не исключение. На лице выражение из серии «я круче всех и прекрасно об этом знаю».

– Чего? – бросаю, ни капли не тушуясь.

За год жизни в Лондоне я отрастила себе острый язык. Всё приходит с опытом. Если первое время я в чем-то и комплексовала, то сейчас меня сложно выбить из колеи спонтанными наездами.

Но эта «королевишна» всё-таки выбивает. Своим заявлением.

– Я девушка Тимура. Мы в небольшой ссоре, но это ненадолго, а ты губу закатай, а то того и гляди, язык выпадет до пола и слюна закапает.

Она даже тянет ко мне свои ручонки, видимо, хочет дотронуться и как бы захлопнуть мне челюсть, но я отшатываюсь и смотрю так, чтобы ей стало понятно: со мной такой номер не пройдет. Я не какая-нибудь мямля.

В голове однако настойчиво долбится мысль: «Это Инна?»

С той ночи на острове Уйат, когда Тим так неосторожно произнёс во сне женское имя, я постоянно думаю о мифической или реальной Инне. А спросить его не могу, потому что банально боюсь услышать неудобный для меня ответ.

Кто она, чёрт её возьми такая, и почему Тимур шепчет про неё сквозь сон? Это не даёт мне покоя.

Ещё не могу понять: мы вместе или мы не вместе? По всем признакам – вместе. Мы почти не расстаёмся, постоянно на связи, строим планы, общаемся легко, спим друг с другом много – в целом, ведём себя, как любые парочки.

И всё же: отношения будто наполнены ложью.

Он не знает обо мне ничего. А я о нём. Между нами повисли тайны. Мои, его... прошлые?

Пока эти мысли переливаются из пустого в порожнее и обратно, блондинка напротив продолжает что-то там вещать.

– И вообще, ты на себя посмотри, – она тычет в меня пальцем. – Ты видела, с кем Тимур обычно встречается?

Деваха кладёт ладонь на бедро и покачивается из стороны в сторону. Пайетки на её коротком серебристом платье отражают свет, рассыпающийся искрами вокруг, будто она грёбанная королева и все самцы этого мира возле её ног.

Наверное, так и есть, потому что я вижу заинтересованные взгляды, устремлённые в её сторону.

– Он любит блондинок. Натуральных, – указывает на себя. – А ты... ну, выбилась из системы случайно. Наверное, захотел экзотики, – она меняет правую руку на левую, кача-

ет бёдрами и язвительно тянет – Ты не в его картине мира, детка. Поэтому отвали по-хорошему.

Наклоняю голову к плечу и поджимаю губы, и блондинке не нравится, что я не дрожу от страха и не убегая в слезах прочь. По глазам её вижу, что бесится.

– Ну, если вы в «небольшой» ссоре, что спорно, то тебе нечего меня опасаться. К чему этот разговор?

– Предупреждаю.

– Или сочиняешь.

Блондинка снова фыркает и выдаёт обещание:

– Увидишь.

Она быстро удаляется, как бы давая понять, что разговор окончен, но на самом деле, ей больше нечего добавить.

Думаю, что надо бы полистать социальную сеть Тима, помню, что видела там фото с девушками. С разными. По ним, правда, не понятно, встречался он с ними или... просто спал. Да, блондинок там было немало. А кто конкретно эта? Может, такое же увлечение, как я, решившая, что она нечто большее, чем девочка для секса?

«Я не девочка для секса», – твердо повторяю, потому что не чувствую себя ею.

Потом обвожу взглядом зал, пытаюсь найти Тимура. Он свалил с каким-то парнем минут двадцать назад. Тиснул меня на диване, сказал, что ненадолго, и ушёл. Ненадолго – это насколько? Вернее, что для него недолго?

Я знаю про Тимура многое, а по факту – не знаю ничего.

Вернее, обладаю той же информацией, что и любой его знакомый. И не более. Он вообще-то скрытный, мой Тимур.

Мой Тимур? Он мой в воображении или в реальности? Может, я также размечталась, как эта деваха минуту назад?

– Не обращай внимания, – долетает до меня сквозь мысли.

Разворачиваюсь и натываюсь взглядом на очередную блондинку. Тут что, где-то рядом завод по их серийной штамповке?

Вопросительно приподнимаю брови.

– Ну на эту, – кивает девушка.

Она англичанка, но гуляет с нами. Пару раз мы уже сталкивались в компании Тима. Кажется, у неё даже парень имеется.

– Ты же видишь, на него постоянно девочки вешаются. И очень многие считают, что если он обратил на них внимание, то всё... они типа встречаются.

– Обратил внимание – это переспал? – приподнимаю бровь. – Давай уж начистоту.

– Ну да, – мнётся она и внезапно добавляет: – мне и самой так... однажды показалось.

Ну вообще супер...

Очень хочется закатить глаза. Этого мне точно не хватало: вести душевные разговоры с той, кто, как и я сама, побывала в постели Логинова. Может, ещё мнением обменяться, опытом поделиться?

Запихиваю ироничную стерву в себе куда-то поглубже и

отворачиваюсь от девушки с коротким «забей».

Однако в висках пульсирует мысль: может, мне тоже что-то там показалось и кажется до сих пор?

Да ну... мы спим уже третью неделю, это не разовая акция. И, кажется, она не собирается прекращаться.

На диван рядом плюхается довольная Соня, и я отвлекаюсь. На её лице мечтательное выражение, а взгляд затуманен. Опять со своим где-нибудь зажималась. Я усмехаюсь по-доброму, посматривая на неё.

– А Кристофер где?

– Курит... там, – махает она рукой неопределённо.

– Курит? Как после секса?

Соня возмущённо смотрит на мою широкую улыбку.

– Какого секса, Том? В доме куча народу.

Мы сегодня на какой-то частной вечеринке. Особняк на окраине Лондона полон молодёжи. Все разбились по группкам, но общий галдёж перекрывает даже фоновую музыку. На дворе почти начало июня, а никто из студентов даже не думает браться за ум и сдавать долги в колледжах. Впрочем, им это и ни к чему – всё продаётся и покупается. В конце концов, можно повторно пройти заваленный курс, только бы родители бабкок отстегнули.

– Мы были на заднем дворе, сидели у бассейна, – продолжает Соня. – Целовались. Потом Сэм подвалил.

– И порушил всю идиллию...

– Ничего подобного.

На лице Сони ни капли сожаления. Думаю, если бы Сэм не появился, утянул бы её Крис куда-то. И плевать бы оба хотели на толпу вокруг.

– Ты дома почти не появляешься, я уже забыла, что у меня есть соседка.

Соня выразительно смотрит на меня и фыркает.

– Как будто ты появляешься? Ты вечно с Тимуром. Мы видимся на тусовках чаще, чем в квартире.

Обе смотрим возмущённо друг на друга, а потом прыскаем и покатываемся со смеху.

– Это весна виновата, – утираю я слёзы.

– Не иначе.

А как ещё объяснить, что у нас у обеих синхронно личная жизнь забила ключом, когда ещё недавно в ней был полный штиль. У меня никого, а у Сони – мудака бывший, как оказалось, изменявшей ей от нефиг делать, а теперь обе при парнях.

– Дамы? – рядом с диваном вдруг появляется Сэм и технично вклинивается между нами.

– А где?.. – начинает спрашивать Соня, но закончить не успевает.

Её сто восемьдесят восемь сантиметров сексуального удовольствия уже нарисовались рядом. Крис протягивает ей руку.

– Я здесь. Пошли.

Соня даже не спрашивает куда.

– Смотри, Тим уже фоток напостил, – Сэм разворачивает экран своего смартфона ко мне, и я отвлекаюсь от удаляющейся парочки.

Листаю снимки, на одной даже мы есть. Вдвоём. Стоим в обнимку. А так в основном – народ, вернее, куча народа, незнакомого мне.

В мозг медленно вползает ядовитая мысль. Я тоже на фотках в его соц сети, но по ним не понятно, кто мы друг другу. Я его девушка? Случайная знакомая? Ни подписи, ни статуса.

– Быстро он. Кстати... – начинаю и осекаюсь.

«Кстати, ты не видел, куда он подевался?» – именно это и хочу спросить, прежде чем останавливаюсь, думая, что это странно прозвучит.

– Хм? – вопросительно тянет Сэм, побуждая меня продолжить.

У Сэма светлые волосы и ясные зелёные глаза, он близкий друг Криса, но они реально разные. И если Крису я бы точно не задала следующий вопрос, то Сэма почему-то спрашиваю.

– Станный вопрос, Сэмик, но... ты знаешь что-нибудь про прошлое Тима? Я в Лондоне всего год, а ты вырос здесь.

– Ну, технически не здесь, а в Эссексе, но дела это не меняет, – поправляет он. – Если ты о студенческой жизни, которая тут всегда фонтанировала, то да, Тимура я знаю давно, но не его прошлое. Когда он сюда переехал, мне было лет шестнадцать, и международные криминальные новости

– это не то, что меня интересовало.

– Криминальные?

– Ну, поговаривают, что его семья не совсем чиста на руку, как половина семей русских бизнесменов в Лондоне. Может это стереотипы, конечно, хрен его знает, – поясняет Сэм, пожимая плечами. – У одного из парней с моего курса отец вёл дела с Логиновыми. Там что-то с поставкой леса в... чёрт... как их там... Скандинавию что ли, не помню точно, – отмахивается он. – Тот пацан мне что-то и рассказывал, но знаешь, я особо не вслушивался. Тим на два курса младше, и меня особо не интересовал. Виделись мы только на вечеринках. Всё, что я про Логинова знал: у него можно круто затусить. Больше меня в то время ничего и не волновало. Да и сейчас тоже, если честно, – усмехается он и подхватывает со стола бокал с какой-то разноцветной алкогольной дрянью.

– Понятно, – усмехнувшись, тяну я, хотя мне мало что понятно.

Как всегда слов много, а смысла – чуть ли не ноль.

– Тебе лучше у самого Тима спросить, ну или погуглить, если не хочешь лезть, – подмигивает Сэм, – а любопытство раздирает.

Мне нравится Сэм по-человечески. При всей своей лёгкости и беззаботности, он не трепло. Знаю, что разговор останется между нами.

– Угу, аж чешусь вся... от нетерпения, – бросаю в ответ и тыкаю Сэму пальцем в бок, щекоча.

Тот хмыкает, уворачиваясь. Между нами нет флирта, но мы как-то сразу засели с ним на дружескую волну, и, кажется, обоим это устраивает. Иначе бы я с таким вопросом к Сэму не подкатила. Он не разболтает Тиму, о чём я расспрашивала, почему-то в этом уверена.

Мы продолжаем перебрасываться шутками, и мне почти удаётся отвлечься от дурных мыслей, когда на мои плечи внезапно ложатся раскрытые ладони, легонько сжимая обнажённую кожу.

Этот приятный ток, проходящий по телу, ни с чем не спутаешь.

Запрокидываю голову и вижу Тимура, стоящего позади дивана. Он улыбается, как ни в чём не бывало, словно и не пропал на полчаса или около того.

Не хочу превращаться в ревнивую стерву, но тонкий противный голосок внутри меня побуждает выкинуть какую-нибудь штуку в духе обиженной невниманием девчонки.

Это ведь не мой стиль!

– Коктейли тут дерьмо, – кивает Тим на вереницу стаканов на столе. – Я на кухню, сделаю что-нибудь нам и принесу.

– Давай, – киваю я, хотя мне очень не хочется, чтобы он уходил.

Коктейли тут действительно так себе, но для той, которая не собирается напиваться, вполне сойдёт.

Когда Тим снова уходит, я приказываю себе сидеть ровно. Но мне ужасно скучно без него. И хочется пойти следом.

А почему собственно нет?

Подхватываю свой полупустой бокал, поднимаюсь с дивана, одёргиваю короткое платье и иду в сторону кухни. Вернее, пробираюсь, как по минному полю, обходя компашки и потягивая коктейль через трубочку. Места на диванах не всем хватает: кто-то сидит на полу, кто-то пританцовывает в проходах. Кажется, за последний час народу прибавилось, а градус настроения взметнулся прямо пропорционально градусам излитого в бокалы алкоголя.

Два парня тащат колонки, значит, скоро заиграет диджей, и нормально не поговоришь. Придётся или орать друг другу в уши, или искать место потише. Второй вариант кажется мне наиболее подходящим. Немного устала от вечеринок, честно говоря. И хорошо, что последнюю неделю за нами не таскается долбаный Егор.

С этими мыслями я открываю дверь на кухню и застываю на пороге.

Черт, все по законам очень плохой драмы! Тим и присосавшаяся к нему девица, – та самая девица в экстремально коротком серебристом платье, заявившая, что она его девушка, – они замерли прямо напротив. Он держит её за плечи, и мне не понятно: отталкивает или хочет притянуть?

Мною овладевает непреодолимое желание психануть, и я снимаю ногу с тормоза. Вскидываю руку и швыряю бокал об пол. Звук удара очень громкий, потому что дверь за моей спиной успела захлопнуться, а на кухне на порядок тише,

чем в остальном доме.

Дальше не знаю, куда смотреть. То ли на отскочившую от Тима девицу, то ли на осколки стекла и лёд, разлетающиеся по твёрдой плитке.

Девушка улыбается, а вот Тим нет. И смотрит он только на меня, и хмурится. Всё сильнее и сильнее.

Баба мягко трогает губы подушечками пальцев, улыбается мечтательно и задумчиво. Будто то, чем они с Тимом тут занимались, принесло ей бездну удовольствия. Ну да, я знаю, что в поцелуях он мастер, как и во всём остальном. И меня начинает подташнивать от мысли, что он целовал другую.

Целовал же? Бывшую? Или не бывшую?

– Тома, – примиряюще начинает Тим, и меня уже буквально трясёт от его спокойного тона.

Это нормально? Для него это нормально?

Я не знаю, что для него нормально. Вот и вся правда.

Дверь за моей спиной снова открывается. Кто-то пытается протиснуться мимо меня, но короткий окрик Тимура «выйди», этого кого-то останавливает.

Взгляд перескакивает с Тима на стойку. Я вижу два бокала и несколько бутылок, сироп и что-то ещё. Он реально готовил или собирался готовить нам коктейль.

Внезапно понимаю, что мы с ним остались одни. Девушка куда-то испарилась. Может, его «выйди» всех касалось?

Логинов снова мне улыбается, а меня бесит... ужасно бесит эта его манера делать вид, что ничего особенного не про-

изошло.

В подсознание закрадывается мысль: а что если он спит ещё с кем-то параллельно помимо меня?

Вот с этой... с бывшей или как там её?

– Тома, всё нормально, – говорит он так уверенно, что я понимаю, может это у него всё нормально, а у меня нет.

Ни черта не нормально.

– Кто это? Как её имя? – наконец, голос возвращается.

– Никто.

– Как её зовут?

– Какая разница, как её зовут?

– Это Инна? – вылетает у меня, и Тимур моментально меняется в лице.

От его спокойствия не остаётся и следа. На лице бездна подозрения, которое мне не понятно. И боли. Которая вполне узнаваема. А еще злость, незнамо как попавшая в этот ядерный коктейль.

Через мгновение мой локоть крепко сжимают пальцы Тима.

– Откуда ты знаешь это имя?

– Она – Инна? – упрямо повторяю, потому что он не ответил.

– Я спросил, бл... откуда ты знаешь это имя? – Тим меня встряхивает и довольно ощутимо, пальцы давят на кожу так, что её уже хочется потерять.

Кажется, отвечать мне не собираются, поэтому сдаюсь

первой.

– Ты произнёс его во сне.

Вскидываю с вызовом подбородок, но этого и не требуется. Тим смотрит, словно сквозь меня. Хватка на локте ослабевает, и я снова свободна.

Черт, а он сильно меня сжал.

Наконец, потираю кожу, на которой, вполне вероятно, могут остаться следы от его пальцев.

Тимур отворачивается, намереваясь уйти через заднюю дверь прямо на улицу, а не в дом. Я зову, но он будто меня не слышит. Весь в себе. И плечи представляют собой каменную прямую линию.

Что за ерунда? Куда он?

Как последняя упрямица я повторяю:

– Она – это Инна?

– Нет, – перед тем, как уйти, бросает через плечо.

Что мне делать? Идти следом или оставаться?

На принятие решения всего пара секунд.

Глава 6

К звонкам отца уже давно отношусь, как к обязанности. К неприятной, но неизбежной. Раз в неделю мы разговариваем по видеосвязи, и каждый раз после нашего общения мне нужно время, чтобы собрать себя по блокам в привычное состояние.

Он лечит... лечит... бесконечно лечит... Внушает, требует, предостерегает.

А мне хочется лишь одного – кинуть ему: ты сам в этом виноват.

Да, виноват. Так всё и есть. Истина. Правда. Это благодаря отцу я здесь, благодаря ему в подвешенном состоянии. У него там давно своя жизнь: новая жена, новый сын. Даже два, если посчитать отпрыска мачехи от первого брака. Бог знает, сколько ещё нового, о чём я даже не подозреваю. Но основное остаётся основным: он двигается дальше, а я вынужден торчать в Лондоне и делать вид, что меня нет.

Хрен. Не выйдет.

– Тебе лучше пока не высовываться, – говорит отец.

Его лицо как всегда напоминает маску. Мы, наверное, похожи, но годы жизни и ведения грязного бизнеса отложили на него свой отпечаток. Он запаян в строгий костюм, я даже не помню, какой он домашний. Это раньше он был другим. Или мне так казалось? Может, мама делала его мягче?

– На сколько? – уточняю.

– Лучше на подольше.

Это значит практически навсегда, или пока он не ликвидирует всех, кто хочет ликвидировать его. Или дотянуться до него через меня. Каким-то боком в этом замешана и семья моей матери.

По мне так все его предосторожности – это ерунда. Кому надо, тот меня достанет. Буду я вести себя тихо, или громко. Одно точно, мне уже давно не четырнадцать лет, и меня так просто не заткнёшь. Если бы мог, открестился бы от всех контактов, связывающих меня с Логиновыми. Когда вернусь в Россию, уже не буду чувствовать себя там своим. Поэтому не вижу смысла возвращаться.

– Неделя, может, две, – говорю отцу, прикидывая, что как раз будет время разрулить вопросы по учёбе, не всё же на гулянках зависать, – реши проблему, пожалуйста.

Это «пожалуйста» произношу с такой долей иронии, что не заметить её просто невозможно.

– Не надо показывать характер, – философски замечает отец. – Мне меньше твоего нравится вся эта ситуация.

– Всей этой ситуации, как ты выражаешься, уже больше шести лет, – не сдерживаюсь и срываюсь.

– Я решу, я почти решил, – прищуривается он.

Решил – это значит, кого-то убрал? Решу – это значит, кого-то убегу? Кого-то, кто причастен к покушению на мою семью те самые долбаные шесть лет назад?

Мне остаётся просто покивать в ответ. Можно было ещё много чего наговорить сверху, чтобы сделать отцу неприятно. Я знаю его болевые точки, умею вывести из себя, но настроения нет. Даже не понимаю, кому больше погано после таких разговоров – мне или ему?

Мы ещё беседуем о всяких мелочах. Дежурные фразы, которые не несут смысла. И прощаемся. Это закономерно. Контакт утерян давно. Найти его, наверное, уже невозможно. Мы разные. Вернее, чужие.

До вечера отвлекаюсь мелкими ничего не значащими делами. Тома куда-то свинтила и мне до неё не дозвониться. Иногда она пропадает. Так неделю назад опрокинула меня на целый уикэнд. С пятницы по понедельник её не видел. Думал, с ума сойду. А потом взбесился сам на себя. И на неё. Так иррационально, если уж на чистоту. Всё сложнее без неё. Бесит. Бесит, что под кожу забралась. Бесит, что не знаю, где она и что с ней. Бесит, когда ускользает от меня. И бесит, что не понимаю, почему.

Вечером еду к ней. Тома в квартире одна. Её подруга Соня, с которой они снимают эту хату, куда-то ушла. И как удачно. Заваливаю Томку на кровать и трахаю так, чтобы думать ни о ком, кроме меня, не смела.

В конце накрывает мысль, что она ведь и не думает. Так изображать страсть нереально. Где бы она ни пропадала те три дня, точно не у другого парня. Наплела мне про какие-то конспекты, важное тестирование, ещё какой-то фигнёй свер-

ху придавила. Сделал вид, что поверил, но три дня... три грёбанных дня. Нет, я точно болен.

Впервые мне лениво ехать на вечеринку. Эта мысль как-то странно оседает в голове. Будто мне достаточно Тома под боком и эта толпа знакомцев и не очень начинает раздражать. Пропало чувство одиночества. Рядом с Томой пропало. Нет, всё-таки она отличается.

Целую куколку в макушку и приказываю собираться.

– Ты точно хочешь? – приподнимается она на локте.

Кажется, наши мысли схожи, но я лишь пожимаю плечами.

– Скатаемся ненадолго. Твои же там тоже будут?

– Ага.

Твои – это её подружка Соня и Крис Холланд. Вторая парочка, которая частенько зависает с нами.

Парочка... а мы парочка? Чёрт, Тома даже не подозревает, насколько попала. Невольно улыбаюсь, а она вопросительно на меня смотрит.

Наклоняюсь и начинаю покусывать её плечо, обвожу языком эти места следом. Тома охает и тихонько стонет. Кладу ладонь ей между ног, там всё ещё влажно после секса, и я знаю, что вернуть возбуждение сейчас совсем несложно. На полном серьёзе подумываю о втором заходе, но Тома выворачивается и вскакивает на ноги.

– Я быстро в душ.

– Хочу с тобой, – прищуриваюсь, а взгляд сам скользит по

её стройному подтянутому телу.

У неё не бёдра, а моя мечта. И сейчас эта мечта маячит перед моими глазами.

– Если пойдёшь со мной, мы разнесём всю ванную. У нас тут не просторные хоромы, как у некоторых, – делает она верные выводы насчёт совместного принятия душа.

– Я оплачу ремонт, – успокаиваю мою Тому.

– Не в этом дело. За разгром лендлорд нас просто выгонит из квартиры. А нам тут нравится.

– Переедешь ко мне, делов то, – пожимаю плечами, выдавая эту мысль, неожиданную для самого себя.

Тома хлопает глазами, но с ответом не находится, убегает в ванную.

А мне было бы на руку, если бы она какое-то время побыла у меня. Такой фигни, как пропадание на несколько дней, уж точно бы не случилось.

Когда мы приезжаем в разрывающийся от звуков вечеринки особняк, я решаю, что это точно последняя туса, а дальше перерыв, как и хотел отец. Пора реально сделать паузу. И делами заняться. Они у меня, кстати, тоже имеются. И проект научный, который я двигаю. Если на него забить, подведу кучу людей. И себя в первую очередь. Ведь у отца будет дополнительный повод сказать, что я ничего не умею и не знаю, чего хочу от этой жизни.

А я знаю. Даже очень как знаю.

Меня снова рвут на части. Всем надо на пару слов не боль-

ше. Мне же хочется просто отдохнуть. Посидеть с моей девочкой, напоить её коктейлем, увидеть, как глаза блестят от предвкушения. Вместо этого я базарю с парнями и стряхиваю надоедливых баб со своего плеча, на которое они все так и норовят закинуть ладони. Раньше меня даже в какой-то степени заводили эти девахи на одну ночь. Флирт был быстрым, секс ярким, но ни к чему не обязывающим, продолжения не предполагалось, а теперь я типа в отношениях, и эти размалёванные куклы все стали ещё больше на одно лицо, цвет и запах.

Захожу на кухню, там, у стойки трётся какой-то одинокий парень, глушит виски в одно рыло, но завидев меня, уносится в зал к толпе. Ну и отлично, обойдусь без лишних разговоров. Беру нужные ингредиенты для коктейлей и стаканы, чтобы намешать чего-нибудь приличного для Тома, раз приглашённый бармен со своей задачей не справляется, когда моё уединение снова нарушают.

– Тим... Тимурчик, – Алина, покачивая бёдрами, идёт к столу. – Ты меня избегаешь?

– Нет, – совершенно честно отвечаю и откупориваю бутылку с игристым, пробка вылетает вверх и стол заливает липким вином. – Чёрт!

Отворачиваюсь к раковине, взглядом ищу, чем бы ликвидировать этот грёбанный потоп. Рулон бумажных полотенец выглядывает из-за груды коробок из-под пиццы. Прежде смываю шампанское с рук и, вытерев ладони, застываю, так

как Алина, про которую я уже успел позабыть, вдруг прижимается ко мне со спины. Проворные ладошки быстро скользят под футболку, пальцы гладят мой пресс и пытаются нырнуть под пояс джинсов.

– Так... стоп, – ловлю её ладонь и разворачиваюсь.

Алина будто меня не слышит или не желает слышать. Мы спали с ней время от времени, по учёбе наши потоки пересекались, и в прошлом году мы даже неплохо зажигали в тёмных укромных закутках, когда и ей, и мне хотелось скинуть напряжение между лекциями. Но с зимы у нас больше нет общих курсов, а на вечеринках для меня всегда было достаточно свежих лиц, чтобы обращать на Алину должное внимание вне университетских стен. В тусовке она была похожа на остальных девок, ничем не выделялась, и приятный прилив адреналина, который я ощущал в универе, отсутствовал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.